

- Светоносец -

Черная Призма

Слепящий нож

The Broken Eye

The Blood Mirror

The Burning White

**BRENT
WEEKS**

The Blinding Knife

БРЕНТ УИКС

Слепящий Нож

fanzon

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
У35

Brent Weeks

THE BLINDING KNIFE

Copyright © 2012 by Brent Weeks

Опубликовано с разрешения автора и его литературных агентов:
Литературное агентство Дональда Маасса (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Fanzon Publishers

An imprint of

Eksmo Publishing House

Перевод *Владимира Иванова*

Дизайн *Елены Куликовой*

Уикс, Брент.

У35 Слепящий нож / Брент Уикс ; [перевод с английского В. Иванова]. —
Москва : Эксмо, 2024. — 880 с. — (Fantasy World. Лучшая современ-
ная фэнтези).

ISBN 978-5-04-191048-8

Гэвин Гайл нашел своего внебрачного сына, бывшая невеста узнала самый страш-
ный секрет Призмы, а магия выходит из-под контроля по всему миру. Армия магов
цвета, поклоняющаяся старым богам, готова присоединиться к уничтожению Семь
Саграпий.

Но хуже всего то, что Призме осталось не пять лет жизни, а меньше года. Гэвин
Гайл умирает.

И единственный, кто может спасти мир, — преданный Гэвином брат.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© В. Иванов, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-191048-8

*Моей жене Кристи
и всем остальным, кто продолжает верить,
когда, казалось бы, давно пора сдаться.*

Глава 1

Гэвин Гайл лежал, глядя вверх, на дне своего глссера, дрейфовавшего посередине моря. Это было крошечное узкое суденышко с низкими бортами. Когда-то, лежа вот так на спине, он готов был поверить, будто вот-вот сольется с морем в одно целое. Теперь нависающий над ним небесный купол казался крышкой котла, а он сам — крабом в этом котле, и температура понемногу росла.

Здесь, возле южного побережья Лазурного моря, за два часа до полудня вода должна была иметь ошеломительно глубокий сине-зеленый цвет. Небо наверху, безоблачное, с давно испарившейся дымкой, должно было быть безмятежным, насыщенно-сапфировым... Но он не мог этого видеть. С тех пор как четыре дня назад он проиграл битву при Гарристоне, Гэвин повсюду вместо синего видел лишь серый — даже и его-то не мог увидеть, предварительно не сосредоточившись. Лишившись синевы, море выглядело для него жидким серо-зеленым бульоном.

Его ждала флотилия. Трудно расслабиться, когда тысяче людей нужен ты, и только ты, — но ему была необходима эта передышка, несколько минут тишины и спокойствия. Раскинув руки и касаясь волн кончиками пальцев, Гэвин поглядел в небеса.

«Люцидоний, где ты? Был ли ты вообще? Случалось ли с тобой что-либо подобное?»

В воде что-то прошелестело — словно нос лодки, разрезающий волны. Гэвин сел на дне глссера. Потом встал.

В пятидесяти шагах позади что-то скрылось под волнами — что-то достаточно большое, чтобы над местом его погружения вспучилась вода. Может быть, кит?

Вот только киты обычно всплывают на поверхность, чтобы подышать; однако в воздухе не висела водяная пыль, не было слышно шумного звука выдоха. А если Гэвин за пятьдесят шагов услышал шелест разрезающего воду морского существа, оно должно было быть массивным.

Сердце забилося у него в горле. Он принялся втягивать в себя свет, чтобы по-быстрому набросать весельный блок... и замер. Прямо под его крошечным суденышком в толще воды что-то двигалось. Это было все равно что смотреть на проносящийся мимо пейзаж, когда едешь в экипаже, — вот только Гэвин не двигался. Скользящее под ним тело было огромным, во много раз шире его шляпки, оно двигалось волнообразно, поднимаясь все ближе и ближе к поверхности, все ближе к его маленькому судну.

«Морской демон!»

И еще тело светилось. От него исходило умиротворенное, теплое сияние, почти как от самого солнца в это прохладное утро.

Гэвин никогда не слышал ни о чем подобном. Он знал, что морские демоны — это чудовища, воплощающие в себе чистейшую, безумнейшую форму ярости, какая только известна человечеству. Они полыхают красным огнем, кипятят моря, оставляют за собой в кильватере плавающие островки пламени. Согласно предположениям в старых книгах, морские демоны не плотоядны, но с бешенством защищают свою территорию, и любой нарушитель, заплывший в их воды, обречен на гибель — такой нарушитель, как чужое судно, например.

Но в этом сиянии не чувствовалось никакой ярости — вполне мирное свечение. Этот морской демон был не свирепым разрушителем, но бороздящим моря левиафаном, оставляющим после себя лишь едва заметную рябь в качестве свидетельства его присутствия.

Колыхаясь, тело всплывало к поверхности; просвечивающие сквозь волны краски сияли все ярче. Не думая, Гэвин опустился на колени в тот самый момент, когда спина демона вынырнула из-под воды под самой шляпкой. Прежде чем глассер успел соскользнуть вбок вместе со вскипающей волной, он протянул руку и прикос-

нулся к телу морского чудовища. Казалось бы, существо, живущее в воде, должно быть скользким, однако кожа оказалась на удивление шероховатой, упругой, теплой.

На одно незабываемое мгновение Гэвин перестал существовать. Не было больше никакого Гэвина Гайла — никакого Дазена Гайла, верховного люкслорда, Призмы. Канули в небытие лебезящие, пресмыкающиеся, лишённые всякого достоинства сановники. Больше не надо было плести паутину лжи, запугивать сатрапов и манипулировать советниками Спектра. Не было ни любовниц, ни бастардов, в мире не осталось никакой силы, кроме той, что проплывала перед его глазами... Взирая на эту невообразимую громаду, Гэвин ощутил себя крошечным.

Мягкое дуновение утреннего ветерка освежало, два солнца — одно в небе, одно под водой — источали тепло. Гэвина объяла безмятежность. Никогда в жизни он не чувствовал настолько близко присутствие божественного.

А потом до него вдруг дошло, что морской демон держит курс на его флотилию.

Глава 2

Зеленый ад звал его к безумию. Мертвец снова смотрел на Дазена из полупрозрачной стены, светящийся, ухмыляющийся. Черты его худого, как у скелета, лица искажались изгибающимися стенами сферической зеленой камеры.

Главное сейчас — не пытаться извлекать. После шестнадцати лет, на протяжении которых он извлекал только синий, повреждая свой рассудок и калеча тело этой ненавистной лазурной безмятежностью, теперь, когда он наконец вырвался из синего ада, Дазену больше всего хотелось вдоволь насытиться каким угодно другим цветом. Как если бы он шесть тысяч дней ел на завтрак, обед и ужин одну лишь овсянку, а теперь кто-нибудь протягивал ему ломтик поджаренного бекона.

А ведь он даже и не любил бекон в те дни, когда был на свободе! Теперь же эта идея выглядела очень соблазнительно... Нет, должно быть, это лихорадка превращает его мысли в кашу из эмоций...

Забавно: он подумал «когда был на свободе», а не «когда был Призмой»... Он сам не знал — потому ли, что до сих пор убеждал себя, что является Призмой, будь на нем королевские одежды или гнилое тряпье, или же это просто больше не имело для него значения.

Дазен пытался смотреть в сторону, но все вокруг было зеленым. Достаточно держать глаза открытыми — и ты окунешься в эту зелень... «Да нет же, ты уже по шею в воде, а все пытаешься остаться сухим! Остаться сухим здесь невозможно. Пойми это и прими. Нет смысла бояться намочить волосы; единственный вопрос в том, утонешь ты или выплывешь».

Зеленый цвет — это сплошное буйство, свобода. Та логическая часть Дазена, что нежилась в упорядоченности синего, знала, что попытка вобрать в себя такую квинтэссенцию дикости, находясь взаперти в люксовой клетке, приведет его к безумию. Спустя несколько дней он уже будет драть ногтями собственную глотку. Концентрированная свобода здесь обернется для него смертью. Действуя так, он лишь завершит удел, предначертанный для него братом.

Нет, он должен быть терпеливым. Нужно хорошенько подумать...

Думать в данный момент было очень трудно. Дазен не спеша, тщательно осмотрел свое тело. Ладони и колени были истерзаны после перемещения ползком по выложенному адским камнем туннелю. Ушибы и синяки от падения через потайной люк сюда, в эту камеру, можно было проигнорировать: они болезненны, но несущественны. Больше его беспокоил воспаленный, нарывающий разрез поперек груди, сочащийся гноем и предвещающий смерть. От одного взгляда на него Дазена затошнило.

Но хуже всего была лихорадка. Она отравляла саму его кровь, путала мысли, затемняла разум, истощала волю.

Тем не менее Дазен сумел вырваться из синей тюрьмы — и она его изменила. Его брату пришлось мастерить эти темницы наспех; вполне вероятно, что большую часть усилий он вложил в первую. В каждой темнице есть свой изъян. Синяя тюрьма сделала из Дазена идеального кандидата на то, чтобы этот изъян отыскать. Свобода или смерть!

— И на что ты ставишь? — спросил мертвец в полупрозрачной зеленой стене.

Глава 3

Гэвин принялся втягивать в себя свет, чтобы начать мастерить гребной блок. Сперва по привычке он попытался извлечь синий: несмотря на свою хрупкость, благодаря жесткости и ровной гладкой поверхности синий люксин идеален для деталей, не подвергающихся боковым нагрузкам. На протяжении одного безуспешного мгновения Гэвин пытался — еще раз — силой вынудить его проявиться. Ведь он — Призма во плоти; единственный из всех извлекателей он может расщеплять внутри себя свет! Синий был где-то здесь, рядом, он знал это. Может быть, одного этого знания окажется достаточно, пусть даже он не может его видеть?

«Во имя Орхолама, ты же можешь отыскать свой ночной горшок посреди ночи — хоть ты его и не видишь, трекаятая штуковина все равно оказывается на своем месте! Так почему бы и здесь не быть тому же самому?»

Ничего. Ни прилива гармонической логики, ни чувства холодной рассудительности, ни синих пятен на коже — одним словом, извлечения не произошло. Впервые с тех пор, как он был маленьким мальчиком, Гэвин почувствовал себя беспомощным. Словно обычный человек. Словно какой-нибудь крестьянин.

Гэвин завопил от собственного бессилия. В любом случае делать весла было уже поздно — тварь плыла слишком быстро.

Вместо весел он набросал ковши и полые трубки. Для реактивных сопел глиссера синий был предпочтительнее, но мог сойти и обладающий естественной гибкостью зеленый, если сделать стенки достаточно толстыми. Шероховатый зеленый люксин тяжелее и создает больше сопротивления в воде, так что конструкция будет двигаться медленнее, но у него сейчас не было ни времени, ни внимания, чтобы делать ее из желтого.

Пока Гэвин модифицировал глиссер, прошло несколько драгоценных секунд. Наконец ковши оказались у него в руках, и он принялся швырять люксин в сопла, выплевывая воздух и воду с задней стороны своего маленького суденышка, выталкивая его из воды. Он подался вперед, мышцы на его плечах вздулись буграми. Потом, когда скорость увеличилась, напряжение спало, и вскоре глиссер уже с шипением разрезал волны.

В отдалении показалась флотилия — сперва только паруса самых больших кораблей, но при том, насколько быстро Гэвин двигался, вскорости он должен был увидеть их все. Там уже насчитывалось несколько сотен судов, от парусных яликов до галеасов, плюс большой линейный трехмачтовик с прямыми парусами и сорокавосьмипушечным вооружением, который Гэвин отобрал у рутгарского губернатора, чтобы превратить в свой флагман. Когда они покидали Гарристон, кораблей было лишь сто с небольшим, но в последующие дни к ним добавились сотни других, выбравшихся из города раньше и искавших защиты от пиратов, которыми кишели эти воды. Последними в поле его зрения появились огромные люксиновые баржи, с трудом державшиеся на плаву. Гэвин сам сотворил эти четыре здоровенные открытые посудины, рассчитанные на то, чтобы взять на борт как можно больше беженцев. В противном случае погибли бы тысячи людей.

А теперь им все равно суждено было погибнуть, если Гэвин не остановит морского демона.

Приближаясь с головокружительной скоростью, он вновь заметил чудовище — горб выдавался из воды на высоту в шесть стоп. Шкура демона по-прежнему мирно светилась; к тому же благодаря счастливому стечению обстоятельств он направлялся к флотилии не напрямую. Продолжая двигаться тем же курсом, он должен был проплыть, наверно, за тысячу шагов перед головным кораблем.

Разумеется, корабли и сами продолжали бороздить волны, неспешно продвигаясь вперед и сокращая расстояние, но морской демон плыл так быстро, что Гэвин осмеливался надеяться, что это не сыграет роли. Он понятия не имел, насколько высока чувствительность у этих существ, но, если демон не свернет с выбранного направления, они еще вполне могли разминуться.

Гэвин не мог оторваться от управления глиссером, не потеряв драгоценной скорости; да даже если бы это и было возможно, он не знал, как передать сигнал «Не вздумайте сделать какую-нибудь глупость!» на каждый из кораблей флотилии.

Нет, неверно — курс морского демона пролегал приблизительно в пятистах шагах перед флагманом. Он ошибся в расчете или это тварь поворачивала в сторону кораблей?

Гэвин уже видел, как впередсмотрящие на мачтах яростно размахивают руками, подавая сигналы вниз, на палубу. Несомненно, они

еще и кричали, но Гэвин был слишком далеко, чтобы слышать. Стремительно приближаясь, он видел, как люди выбегают из трюмов.

Происшествие обрушилось на флотилию гораздо скорее, чем кто-либо мог ожидать. При нормальном порядке вещей на горизонте могли появиться враги и начать преследовать; или же из ниоткуда мог налететь шторм, за полчаса достигнув силы урагана. Однако здесь все произошло за несколько минут. Некоторые из кораблей могли сейчас наблюдать одновременно два чуда: шлюпку, плывущую по волнам быстрее, чем кому-либо доводилось видеть в жизни, и огромную темную фигуру перед ней, которая могла быть только морским демоном.

«Пусть им хватит ума, прокляни их всех Орхолам! Пусть им хватит ума — или хватит трусости — сидеть на месте и не высываться! Пожалуйста!»

На то чтобы зарядить пушку, требуется время, а заранее их никто не заряжает, потому что порох может отсыреть. Какому-нибудь идиоту могло прийти в голову выстрелить по проплывающему силуэту из мушкета, но на такую мелочь монстр даже не обратит внимания.

Морской демон ломился сквозь толщу воды в четырехстах шагах перед флотилией, продолжая двигаться прямо вперед.

Гэвин уже слышал крики, доносившиеся с кораблей. Матрос на мачте флагманского корабля держался руками за голову, очевидно, не веря своим глазам; однако пока что никто никаких глупостей не делал.

«Орхолам... еще одна минута! Всего лишь одна...»

Треск сигнальной мортиры расколол утренний воздух, и надежды Гэвина хлопнулись брюхом в море. Он мог поклясться, что гвалт на всех кораблях затих одновременно — а затем возобновился мгновением позже, когда более опытные моряки осознали, что какой-то перетрусивший идиот-капитан, вероятнее всего, только что подписал им всем смертный приговор.

Гэвин не спускал глаз с морского демона. Кильватерная струя чудовища, полная шипящих пузырьков и крупной ряби, тянулась прямо на протяжении еще сотни шагов... И еще сотни... Может быть, он не услышал?

...А потом его глассер промчался мимо всей огромной туши демона — тот развернулся на сто восемьдесят градусов быстрее, чем Гэвин мог бы счесть возможным.

По завершении разворота хвост демона показался над поверхностью воды. Движение было слишком быстрым, чтобы различить детали; Гэвин смог заметить лишь, что он пылал ярко-красным цветом — цветом раскаленного железа, только что из печи, — и когда эта громадина, не меньше тридцати шагов в длину, обрушилась на водную гладь, удар был такой, что выстрел мортиры по сравнению с ним показался треском жестяной хлопупки.

Всплеск породил огромные волны. Гэвин, только что остановивший глассер, едва успел развернуть его, прежде чем до него докатился первый вал. Его накрыло массой воды; Гэвин торопливо принялся бросать зеленый люксин, делая переднюю часть суденышка шире и длиннее. Вторая волна подбила лодку вверх, выбросив его высоко в воздух.

Нос глассера погрузился в следующую волну под слишком большим углом, чтобы судно могло вынырнуть. Гэвина оторвало от палубы и швырнуло в волны.

Лазурное море, как теплый мокрый рот, заглотнуло Гэвина целиком, выдавив из него воздух, покатило на языке, полностью лишив чувства направления, сделало вид, будто хочет проглотить, а потом, когда он принялся отчаянно барахтаться, наконец неохотно отпустило.

Гэвин выплыл на поверхность и поспешно нашел взглядом флотилию. Делать целиком новый глассер времени не было, поэтому он набросал ковши меньшего размера, приспособив их к рукам, вобрал в себя столько света, сколько смог удержать, вытянул руки вдоль боков и развернулся головой в сторону морского чудища.

Он принялся швырять ковшами люксин, выталкивая себя вперед. Давление воды было невероятным, оно замутняло зрение, заглушало звуки, но Гэвин не останавливался. Его тело было закалено годами плавания на глассере с такой скоростью, чтобы пересечь море за один день, его воля сделалась негибаемой после многих лет в должности Призмы, когда он заставлял весь мир приспособливаться к своим желаниям; и этим телом, и этой волей он толкал себя вперед.

Гэвин ощутил, как скользнул к демону в кильватер: давление внезапно ослабело, а его скорость удвоилась. Подруливая ногами, Гэвин погрузился глубже в воду, а потом стремительно рванул к поверхности.

Он пулей вылетел в воздух — как раз вовремя.

Ему вряд ли удалось бы увидеть многое — ослепленный светом, он хватал ртом воздух, а вода каскадами стекала с его тела. Однако картина перед ним замерла, и он увидел все одновременно.

Голова морского демона наполовину высывалась из воды, его крестообразный рот был крепко сжат, так чтобы бугристая, покрытая шипами и выростами голова могла разнести флагманский корабль в щепки. Длина его тела насчитывала по меньшей мере двадцать шагов, и он был всего лишь в пятидесяти шагах от корабля.

Люди собрались возле ограждения левого борта с фитильными ружьями в руках. Над некоторыми поднимались жирные черные дымки, другие были озарены вспышками: фитили как раз воспламенили порох на полках за мгновение до выстрела. Командующий Железный Кулак стоял рядом с Каррис — собранные, бесстрашные, с сияющим люксином, формирующимся в снаряды в их руках. На пушечных палубах Гэвин увидел пушкаррей, они забивали заряды в пушки, готовя их к выстрелу, на который уже не было времени.

Другие корабли флотилии сгрудились, словно ребятишки вокруг кулачной драки. Люди собрались у планширей с разинутыми ртами; лишь немногим пришлось в голову хотя бы зарядить свои мушкеты.

Десятки людей уже отворачивались от приближающегося монстра, чтобы посмотреть, какой еще новый ужас там вырвался над поверхностью воды, — и устремляли ошеломленные взгляды на Гэвина. Матрос на мачте показывал в его сторону и что-то кричал.

Зависнув в воздухе, предчувствуя ужасную катастрофу, готовую через какие-то секунды обрушиться на его соплеменников, Гэвин швырнул в демона все, что у него было за душой.

Блистающая, переливающаяся, многоцветная стена света вырвалась из Гэвина и устремилась к морскому чудовищу.

Но Гэвин не увидел, что произошло, когда она врезалась в демона, — и даже попал ли он вообще в цель. Есть старая парийская поговорка, которую Гэвин слышал, но никогда не придавал ей значения: «Когда ты толкаешь гору, гора толкает тебя в ответ».

...Время возобновило свое течение, и это произошло скорее, чем хотелось бы. Гэвин чувствовал себя так, словно по нему врезали дубиной толще его собственного тела. Его отшвырнуло назад,